

Яко и Элизабет Гроот

Друзья здесь встретились и обнялись
И разошлись — к своим ошибкам.

У. Х. Оден. «Перекресток»

I

I

Двое бывших любовников Молли Лейн стояли у часовни крематория спиной к холодному февральскому ветру. Обо всем уже было говорено, но они проговорили еще раз.

— Так и не поняла, что на нее обрушилось.

— А когда поняла, было поздно.

— Быстро скрутило.

— Бедная Молли.

— Ммм.

Бедная Молли. Началось с покалывания в руке, когда она ловила такси у ресторана «Дорчестер»; ощущение это так и не прошло. Через несколько недель она уже с трудом вспоминала слова. «Парламент», «химию», «пропеллер» она могла себе простить, но «сливки», «кровать», «зеркало» — это было хуже. Когда временно исчезли «аканф» и «брезаола»¹, она обратилась к врачу, ожидая, что ее успокоят. Однако ее направили на обследование, и, можно сказать, оттуда она уже не верну-

¹ Аканф — растительный орнамент в виде листьев, как на коринфских колоннах. Bresaola (*um.*) — вяленое мясо.

лась. Как же быстро боевая Молли стала больной пленницей своего угрюмого собственника-мужа Джорджа. Молли, ресторанный критик, фотограф, женщина неиссякаемого остроумия, дерзновенная садовница, возлюбленная министра иностранных дел, способная легко пройти колесом в свои сорок шесть лет. О ее стремительном погружении в безумие и боль судачили все: потеря контроля над отправлениями, а с ним — и чувства юмора, а затем — постепенное затмение с эпизодами бесильного буйства и приглушенных криков.

При виде появившегося из часовни Джорджа любовники Молли отошли подальше по заросшей гравийной дорожке. Они добрались до участка овальных розовых клумб с табличкой «Сад памяти». Все растения были безжалостно срезаны на высоте нескольких сантиметров над промерзшей землей — Молли такую практику осуждала. Газон был усеян сплюснутыми окурками — здесь люди дожидались, когда предыдущая группа освободит здание. Прохаживаясь взад и вперед, старые друзья возобновили разговор, к которому возвращались уже раз десять до этого в разных формах; но он утешал их больше, чем пение «Пилигрима».

Клайв Линли узнал Молли первым, в шестидесят восьмом, когда они были студентами и жили одним домом, хаотическим и зыбким, в Вэйл-оф-Хелте¹.

¹ Вэйл-оф-Хелт — район на северо-западе Лондона.

— Ужасный конец.

Он смотрел, как растворяется в сером воздухе пар его дыхания. Сказали, что в центре Лондона температура минус одиннадцать. Минус одиннадцать. Что-то очень неладно в мире, и не обвинишь в этом ни Бога, ни его отсутствие. Первое непослушание человека, его падение, нисходящий мотив, гобой, девять нот, десять нот. У Клайва был абсолютный слух, и он слышал, как они спускаются от соль. Записывать не было нужды.

Он продолжал:

— Понимаешь — умирать, ничего не сознавая, как животное. Ослабеть, стать полностью зависимой, не успев отдать последние распоряжения и даже попрощаться. Болезнь подкралась...

Клайв пожал плечами. Они дошли до края вытоптанной лужайки и повернули обратно.

— Она предпочла бы самоубийство такому концу, — отозвался Вернон Холлидей.

Он прожил с ней год в Париже в семьдесят четвертом, когда впервые поступил на работу в «Рейтер», а она пописывала для «Вога».

— С мертвым мозгом и в клешнях Джорджа, — сказал Клайв.

Джордж, грустный богатый издатель, не чаял в ней души, и она, ко всеобщему удивлению, так и не бросила его, хотя всегда обходилась с ним дурно. Они посмотрели в его сторону: Джордж стоял у двери в группе людей, принимал собо-

лезнования. Смерть жены избавила его от общего презрения. Он будто вырос на дюйм или два, спина у него выпрямилась, голос стал гуще, новообретенное достоинство сузило глаза, погасило жадный, просящий взгляд. Отказавшись сдать ее в приют, он ухаживал за ней собственноручно. И, что существеннее, вначале, когда люди еще хотели ее навещать, он фильтровал посетителей. Для Клайва и Вернона допуск был строго ограничен, поскольку считалось, что при них она разволнуется, а после будет удручена своим состоянием. Другой ответственный гость, министр иностранных дел, также был нежелателен. Люди стали ворчать, в колонках светской хроники появилось несколько сдержанных замечаний. А потом все это потеряло значение: по рассказам, она чудовищно изменилась, люди не хотели ее навещать и были рады, что Джордж их не пускает. Однако Клайв и Вернон с удовольствием продолжали его ненавидеть.

Когда они повернули обратно, в кармане у Вернона запищал телефон. Он извинился и отошел в сторону, предоставив другу продолжать прогулку в одиночестве. Клайв запахнул пальто и замедлил шаг. У крематория собралось уже сотни две людей в черном. Пора подойти и сказать что-нибудь Джорджу, иначе будет сочтено невежливостью. Наконец-то Джордж ею завладел — когда она уже не узнавала свое лицо в зеркале. С романами ее он ничего не мог поделать,

но в финале она стала целиком его. У Клайва за-
немели ноги, он стал топтать, и в том же ритме
вернулись десять нисходящих нот ритардандо¹,
английский рожок, а в контрапункт с ним, мягко,
восходящий мотив виолончелей, зеркальный об-
раз. В нем — ее лицо. Конец. Все, что было нуж-
но ему сейчас, — тепло, тишина его студии, ро-
яль, недописанная партитура — и закончить. Он
услышал слова Вернона, завершавшего разговор:
«Отлично. Перепишите резюме и поставьте на
четвертую полосу. Я буду часа через два». Затем
Клайву:

— Чертовы израильтяне. Нам пора подойти.

— Пожалуй.

Однако они сделали еще один круг по лужай-
ке: в конце концов, они тут для того, чтобы хоро-
нить Молли.

С заметным усилием над собой Вернон отодви-
нул служебные заботы.

— Она была милой девочкой. Вспомни биль-
ярдный стол.

В 1978 году под Рождество компания друзей
сняла большой дом в Шотландии. Молли и ее
тогдашний спутник, королевский адвокат² по фа-
милии Брейди, изобразили на бильярдном столе
Адама и Еву: он в трусах, она в трусах и лифчике,
подставка для кия — змей, красный шар вместо

¹ Ritardando (*um.*) — замедляя.

² Королевский адвокат — высшее адвокатское зва-
ние; присваивается королевской грамотой.

яблока. В пересказах, однако, история приобрела несколько иной вид и в таком виде не только попала в один некролог, но даже запомнилась кое-кому из свидетелей: «Молли плясала в сочельник нагишом на бильярдном столе в шотландском замке».

— Милая девочка, — повторил Клайв.

Делая вид, будто откусывает яблоко и жует, она смотрела прямо на него и развратно улыбалась. Она выкатила бедро и подбоченилась, пародируя уличную девку. Он счел ее упорный взгляд сигналом, и правда, в апреле они снова сошлись. Молли переехала в его студию в Южном Кенсингтоне и осталась на все лето. В это время как раз открылась ее ресторанная колонка и сама она выступила по телевизору, раскритиковав мишленовский путеводитель¹ как «кулинарный китч». Он тоже впервые обозначился перед публикой — «Оркестровыми вариациями» в Фестивал-холле. Второй заход. Она, вероятно, не изменилась, а он — определенно да. За десять лет он узнал достаточно, чтобы еще кое-чему у нее научиться. Его система всегда была — молот и наковальня. Она научила лукавому сексу, тому, что иногда необходима неподвижность. Лежи тихо, вот так, смотри на меня, смотри как следует. Мы — бомба замедленного действия.

¹ Мишленовский путеводитель — ресторанные новости «U. K. Michelin Guide».

Ему было почти тридцать; по нынешним меркам, запоздалое развитие. Когда она нашла себе квартиру и собрала чемоданы, он предложил ей пожениться. Она поцеловала его и прошептала на ухо: «Чтоб она не ушла, он женился на ней, // И теперь она с ним, как репей». Она была права, потому что после ее отъезда он радовался одиночеству как никогда и написал «Три осенние песни» меньше чем за месяц.

— Ты чему-нибудь у нее научился? — вдруг спросил Клайв.

В середине 80-х Вернон тоже прошелся по второму кругу — во время отпуска, в одном имении в Умбрии. Он был тогда римским корреспондентом газеты, которую теперь редактировал, и женатым человеком.

— Я секс не запоминаю, — ответил он, помолчав. — Наверняка это было изумительно. Но помню, что она объяснила мне все про порчини¹ — как выбирать, как готовить.

Клайв счел это отговоркой и тоже решил не откровенничать. Он оглянулся на дверь часовни. Придется подойти. И сам себе удивился, когда с некоторой яростью произнес:

— Знаешь, мне надо было жениться на ней. Когда она стала сдавать, я бы задушил ее подушкой или как-нибудь еще и спас бы от всеобщей жалости.

¹ Porcini (*ит.*) — белые грибы.